

baş+ağa — высший чин в янычарском таблице о рангах¹⁰.

Исследование фонетического строя османских заимствований в венгерском языке (стр. 437—506) начинается с описания турецких гласных и согласных и их преобразований в процессе заимствования. Для того чтобы преодолеть трудности при определении качества и характера фонем османского языка XVI—XVII вв. по транскрипционным текстам, записанным латинской азбукой преимущественно в применении к практике венгерского языка, необходимы специальные знания, отменное трудолюбие и многолетний опыт. Ж. Какук, обладая всеми этими достоинствами, представила точное описание османской фонетики в связи с адаптацией османских заимствований венгерским и балканскими языками. Особое внимание она уделила усвоению и передаче на письме тех османских звуков, которые отсутствуют в ряде языков, воспринявших эти заимствования и, естественно, не имевших специальных литер для передачи таких звуков.

¹⁰ См.: G. D o e r f e r, указ. соч., II, стр. 423. Ср. также: Й. Б л а ш к о в и ч, Тюркологические исследования в Чехословакии, ВЯ, 1975, 1, стр. 124.

В разделе «Морфология» (стр. 507—515) кратко рассматриваются склонение, образование формы множественного числа, спряжение некоторых глагольных форм, словообразование имен и глаголов, сложные слова.

В разделе «Лексика» (стр. 516—546) анализируются усвоенные венгерским языком имена нарицательные и собственные (антропонимы и топонимы) турецкого, персидского, арабо-персидского, арабского, греческого, итальянского, славянского происхождения. Раздел завершается анализом различных слоев османско-турецких элементов венгерского языка в плане установления языков и диалектов — источников заимствований (стр. 527—546).

Книга Ж. Какук, опирающаяся на тщательно продуманную методику, основывающаяся на большом фактическом материале, который анализируется на фоне аналогичных данных ряда балканских языков, является образцовым исследованием в трудной области сравнительно-исторического изучения заимствованной лексики в словарном составе неродственных языков.

А. Н. Кононов

«Хрестоматия по истории русского языкознания»,
сост. Ф. М. Березин, под ред. чл.-корр. АН СССР
Ф. П. Филина. — М., изд-во «Высшая школа», 1973, 503 стр.

Для развития любой науки важны исследования, в которых раскрывались бы причины и условия ее зарождения, была бы показана борьба и преемственность взглядов и точек зрения на различных этапах ее истории, смена концепций и гипотез, обогащение и совершенствование методики исследования, обобщался бы опыт лучших ее представителей, характеризовалось современное состояние науки и указывалось на нерешенные еще задачи. Не составляет в этом отношении исключения и языкознание. Создание исследований, призванных осветить с марксистско-ленинских методологических позиций историю отечественного языкознания, является одной из актуальных задач советских языковедов.

В советское время проблемы истории отечественного языкознания привлекали внимание ряда ученых. Разделы по истории русского языкознания, хотя по необходимости и краткие, имеются в немногочисленных пока монографиях и учебных пособиях, содержащих исследования или обзоры развития лингвистической

мысли в различных странах¹. В этой области трудились Л. В. Щерба, Л. А. Булаховский, В. В. Виноградов, Н. С. Поспелов, П. С. Кузнецов, С. Б. Бернштейн, Л. Р. Зиндер, М. И. Матусевич, Н. С. Чемоданов и другие крупные ученые².

¹ См., например: Р. О. Ш о р, Краткий очерк истории лингвистических учений с эпохи Возрождения до конца XIX века, в кн.: В. Т о м с е н, История языковедения до конца XIX в., М., 1938; Я. В. Л о я, История лингвистических учений. Материалы к курсу лекций, М., 1968; М. В. Ч е р е п а н о в, Общее языкознание, Саратов, 1969; В. А. З в е г и н ц е в, История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях, М., ч. I—1964, ч. II—1965; Н. А. К о н д р а ш о в, Общее языкознание (Курс лекций), ч. 1—История языкознания, М., 1972.

² См., например: Л. В. Щ е р б а, И. А. Бодуэн де Куртэнэ и его значение в науке о языке, в кн.: Л. В. Щ е р б а, Избр. работы по русскому языку, М.,

В последнее время опубликованы статьи и брошюры Ф. П. Филина, Э. И. Коротаевой, А. А. Леонтьева, М. В. Черепанова, В. И. Кодухова, В. В. Колесова и ряда других исследователей³. Создано несколько специальных монографий, сборников и хрестоматий⁴.

Рецензируемая книга наиболее полно освещает историю языкознания в России и по охвату материала, и по разнообразию проблематики. В ней история русского и общего языкознания представлена в значительно более широких, чем это было сделано в предшествующих работах, хронологических рамках: обзор русской лингвистической мысли начинается с эпохи Киевской Руси и доводится до двадцатых годов XX в.

Книга задумана как учебное пособие для студентов филологических вузов и университетов. Хрестоматийная часть ее представляет собой публикацию фрагментов из лингвистических трудов русских

языковедов. С целью более полного и верного ознакомления с концепциями ученых в хрестоматии приводятся не выборочные цитаты, а, как правило, более или менее самостоятельные по своему значению и содержанию извлечения из книг или статей. Книга содержит также развернутые очерки, в которых приводятся краткие биографические данные, даются обстоятельные характеристики и критический разбор взглядов тех языковедов, отрывки из трудов которых представлены в хрестоматии.

Автор очерков и составитель хрестоматии Ф. М. Березин следующим образом формулирует задачи, к выполнению которых он стремился, готовя свою книгу: «1) ознакомить читателя с постановкой и решением наиболее важных общелингвистических и сравнительно-исторических проблем в русском языкознании; 2) показать сходство и различие в решении языковедческой проблематики; 3) изложить взгляды представителей различных направлений и лингвистических школ» (стр. 3).

Несомненным достоинством книги Ф. М. Березина является то, что в ней представлены извлечения из тех работ русских языковедов, которые у нас не переиздавались и в настоящее время малодоступны и малоизвестны читателям. Так, например, впервые после Октябрьской революции опубликованы отрывки из книги К. П. Зеленецкого «Система и содержание философского языкоучения с приложением к языку русскому» (Одесса, 1841). Ни в одной из предшествующих работ по истории русского языкознания не упоминались лекции А. А. Потебни «Основы поэтики» и «Психология поэтического и прозаического мышления», впервые опубликованные в Харькове в 1910 г. Наряду с фрагментами из трудов известных исследователей автор включил в хрестоматию ряд интересных отрывков из работ полузабытых русских лингвистов, таких, как И. С. Рижский («Введение в круг словесности», 1806), И. Орнатовский («Новейшее начертание правил российской грамматики, на началах всеобщей основанных», 1810), И. Ф. Тимковский («Опытный способ к философическому познанию русского языка», 1811), Л. Г. Яков («Начертание всеобщей грамматики для гимназий Российской империи», 1812) и др. Деятельность наиболее крупных представителей русской науки, основателей лингвистических школ и направлений описываются, таким образом, не изолированно, а наряду с характеристикой научных трудов других лингвистов, их современников. Тем самым более точно восстанавливается объективная картина отечественного языкознания и научная атмосфера XVIII—XIX вв., более четко определяется место каждого из этих ученых в истории науки.

1957; Л. А. Булаховский, Александр Афанасьевич Потебня, Киев, 1952; В. В. Виноградов, Русская наука о русском литературном языке, «Уч. зап. [МГУ]», т. 3, кн. 1, вып. 106, 1946; е го же, Из истории изучения русского синтаксиса, М., 1958; Н. С. Поспелов, Учение о частях речи в русской грамматической традиции, М., 1954; С. Б. Вернштейн, Борис Михайлович Ляпунов, ВЯ, 1958, 2; Л. Р. Зиндер, М. И. Матусевич, К истории учения о фонетике, ИАН ОЛЯ, 1953, 1; Н. С. Чемоданов, Сравнительное языкознание в России, М., 1956.

³ См., например: Ф. П. Филин, Проблемы славянского этногенеза в трудах А. А. Шахматова, ИАН ОЛЯ, 1964, 3; Э. И. Коротаева, Университетская и школьная деятельность А. А. Шахматова, РЯШ, 1964, 3; А. А. Леонтьев, Бодуэн де Куртэн и французская лингвистика, ИАН ОЛЯ, 1966, 4; М. В. Черепанов, Отражение принципов Казанской лингвистической школы в исследованиях Н. В. Крушевского, Саратов, 1969; В. И. Кодухов, Казанская лингвистическая школа, «Уч. зап. Казанск. пед. ин-та», 90 — Вопросы теории и методики изучения русского языка, 1971.

⁴ См., например: «И. А. Бодуэн де Куртэн (1845—1929)», М., 1960; В. В. Щеулин, В. И. Медведев, Хрестоматия по истории грамматических учений в России, М., 1965; Ф. М. Березин, Очерки по истории языкознания в России (конец XIX — начало XX в.), М., 1968; «Русское языкознание в Петербургском — Ленинградском университете», под ред. проф. Н. А. Меерского, Л., 1971; В. В. Щеулин, Хрестоматия по истории грамматических учений в Советском Союзе, Ростов-на-Дону, 1972.

Материал в книге располагается в хронологической последовательности. Он сгруппирован по четырем разделам, причем Ф. М. Березин в кратком предисловии «От составителя» (стр. 3—4) специально оговаривает, что предлагаемая им периодизация условна и используется лишь для того, чтобы «расчленил непрерывный исторический процесс на определенные ступени по общности тематики, внести в исторический ход развития языкознания определенную стройность» (стр. 4).

Первый раздел книги («Начальный период русского языкознания», стр. 5—53) автор ограничивает серединой XVIII в. — двадцатыми годами XIX в. Хрестоматийная часть открывается фрагментами из «Российской грамматики» М. В. Ломоносова (1755) и завершается извлечениями из грамматики Л. Г. Якоба (1812). Кроме того, представлены тексты из работ И. С. Рижского, И. Орнатовского, И. Ф. Тимковского. В этот же раздел Ф. М. Березин вполне оправданно включает отрывок из трактата А. Н. Радищева «О человеке, о его смертности и бессмертии», в котором излагаются взгляды мыслителя-философа на проблему взаимоотношения языка и мышления.

Хронологические рамки очерка, предвещающего этот раздел, являются более широкими. Историю русского языкознания автор начинает с краткого изложения первых сведений о русской грамматической науке, относящихся к X—XI вв., с рассказа о появлении грамматик Иоанна Дамаскина, Лаврентия Зизания, Мелетия Смотрицкого и др., возникших на основе греко-римской традиции и подготовивших почву для последующей деятельности русских языковедов. Затем в очерках обстоятельно характеризуются лингвистические труды М. В. Ломоносова и других ученых. Автор справедливо отмечает преемственность материалистических воззрений М. В. Ломоносова и А. Н. Радищева в решении вопроса о природе языка и мышления. Несмотря на то, что эти воззрения ввиду их малой известности в то время и в силу исторических условий не были развиты в трудах языковедов, следовавших непосредственно за М. В. Ломоносовым и А. Н. Радищевым, они оказали большое влияние на развитие отечественной науки о языке. «Начиная с ломоносовского периода, — подчеркивает Ф. М. Березин, — характерной особенностью русского языкознания в освещении общезыковедческой проблематики была ее философская направленность, идея материального единства мира, заключающая в себе мысль о том, что все явления мира, в том числе и язык, могут быть рассмотрены как различные формы материи. Ломоносовский призыв употреблять при изучении явлений языка „общезыковедское понятие о человеческом слове“ в той или иной мере дает себя знать почти у каждого языковеда» (стр. 477).

Констатируя широкое распространение в России в начале XIX в. идей всеобщей грамматики, автор очерка показывает, что несмотря на увлечение этими идеями некоторые ученые в своих общетеоретических рассуждениях высказывали положения, которые позднее получили дальнейшую разработку в трудах последующих поколений русских языковедов: И. С. Рижский стремился выяснить специфические особенности языка, отражающие своеобразие говорящего на нем народа; И. Орнатовского интересовали проблемы, связанные с определением круга родственных языков; И. Ф. Тимковский впервые в русском языкознании говорил о тесной связи истории языка и истории народа, дал детальную периодизацию «славяно-русской словесности» и развития языка; Л. Г. Яков выступил с оригинальной знаковой концепцией языка и т. п.

Второй раздел («Проблематика русского языкознания в 20—50-е годы XIX в.», стр. 54—96) включает в хрестоматийной части отрывки из трудов А. Х. Востокова, Н. И. Греча, В. Г. Белинского, Г. П. Павского, К. П. Зеленецкого, И. И. Давыдова. В прилагаемом к этому разделу очерке Ф. М. Березин выделяет в русском языкознании 20—50-х годов XIX в. два направления — логическое и сравнительно-историческое.

Первое из них — логическое — продолжило традиции всеобщей грамматики. Сторонником общей теории грамматики, таких грамматических правил, которые можно было бы приложить к любому языку, был Н. И. Греч. Говоря об этом, автор очерка отмечает, что широко распространенное мнение, будто бы Н. И. Греч во всех случаях стремился подогнать грамматические особенности русского языка под схемы общих грамматик, является не совсем точным. В его работах начинает ощущаться критическое отношение к универсальной логической грамматике — он стремился учитывать и «собственные свойства каждого языка», которые соответствуют степени образованности общества. Фактический материал грамматики Н. И. Греча отражал нормы русского языка, правда, языка книжного. Менее критически относился к идеям универсальной грамматики И. И. Давыдов. Его книга «Опыт общесравнительной грамматики русского языка» (1852), в основу которой были положены идеи немецкого языковеда К. Беккера, характеризуется автором очерка как явный анахронизм. Влияние логического направления сказалось и на работах В. Г. Белинского, однако его филологические труды, ориентирующиеся на народный язык, занимают весьма заметное место в истории русского языкознания. Наиболее оригинальной и сильной стороной лингвистической концепции В. Г. Белинского было «привнесение материалистических начал в трактовку положений о связи языка и мышления»

(стр. 58). В связи с этим Ф. М. Березин особое внимание читателя обращает на высказывания В. Г. Белинского о том, что «человек стал говорить в то же самое время, как начал мыслить», «язык развивается и совершенствуется вместе с мыслью» и т. п.

Второе направление в русской лингвистике 20—50-х годов XIX в. было связано с деятельностью А. Х. Востокова и знаменовало возникновение в России сравнительно-исторического языкознания. Разработка сравнительно-исторической проблематики русскими учеными к тому времени уже имела определенную традицию. Изучением родственных отношений русского языка с другими языками занимались М. В. Ломоносов, И. Орнатовский, И. Ф. Тимковский и др. А. Х. Востоков доказал закономерности фонетических изменений в звуковом строе славянских языков и впервые заявил о возможности восстановления праславянского языка путем сравнения сохранившихся славянских диалектов. Его работы способствовали резкому подъему интереса к сравнительно-историческим исследованиям. В частности, попытка изучения русского языка в сравнении с другими индоевропейскими языками была предпринята в то время Г. П. Павским, творчество которого характеризуется в этом же очерке.

Третий раздел («Русское языкознание 50—70-х годов XIX в.», стр. 97—264) охватывает всего двадцать лет. Однако этот сравнительно короткий промежуток в истории русского языкознания отличается большим количеством крупных имен, богатством идей, постановкой крупных теоретических проблем. В обширном очерке Ф. М. Березин показывает, как в этот период в русском языкознании окончательно утверждаются и получают дальнейшее развитие принципы сравнительно-исторического метода. Внимание русских исследователей привлекают все аспекты языка (фонетика, морфология, синтаксис, семантика). Изучение ведется не только в плане сравнения русского языка с классическими индоевропейскими языками (латинский, санскрит, древнегреческий), но также и с языками иного морфологического строя. У большинства ученых отмечается стремление выяснить специфические свойства русского языка, исходя из качеств русской грамматической системы. Закладываются основы типологического изучения языка в области синтаксиса и семантики. В хрестоматийной части представлены отрывки из трудов Ф. И. Буслаева, И. И. Срезневского, А. А. Потебни, Ф. Е. Корша, В. И. Шерцля и других языковедов. На примере работ К. С. Аксакова и Н. П. Некрасова показано, как усилившийся интерес к строю живого языка способствовал освобождению науки от влияния схоластической всеобщей грамматики. В

этом же разделе дана обстоятельная характеристика лингвистических взглядов Н. Г. Чернышевского, выступавшего с материалистическим объяснением вопроса о соотношении языка и мышления и ряда других проблем языкознания.

Четвертый раздел книги назван «Основные направления русского языкознания конца XIX — начала XX в.» (стр. 265—475). Хрестоматийная часть содержит отрывки из трудов Ф. Ф. Fortunatova, И. А. Бодуэна де Куртенэ и их учеников, традиционно объединяемых в истории языкознания под названиями Московская и Казанская лингвистические школы. В очерке Ф. М. Березин подчеркивает независимость и самостоятельность русской науки. Он критикует широко распространенное мнение о том, что некоторые видные русские ученые полностью разделяли положения младограмматиков. В связи с этим Ф. М. Березин указывает, например, что совершенно не младограмматическое понимание языка отразилось в учении Ф. Ф. Fortunatova о функциональности форм- и словообразовательных категорий (стр. 272). Историческую акцентологию Ф. Ф. Fortunatova разрабатывал, основываясь не на исследовании каждого отдельного звука вне связи с общей фонетической системой, как это было характерно для младограмматиков, а на установлении внутренней взаимозависимости между сонантами и интонацией (стр. 274). А. А. Шахматов стремился представить фонетическую систему общерусского праязыка не как абстрактную совокупность определенных звуковых черт, а как такую систему, которая характеризовалась разнообразием своих различительных возможностей и внутренними закономерностями (стр. 276). Ф. Ф. Fortunatov, а вслед за ним А. А. Шахматов и другие пришли к выводу о том, что язык — это явление социальное, в то время как младограмматики считали, что язык народа есть фикция и реальное бытие имеет только язык отдельного индивидуума (стр. 276).

А. А. Шахматов не удовлетворило распространное среди младограмматиков учение о психологическом подлежащем и сказуемом, и он создал оригинальное учение о «психологической коммуникации» (стр. 277). При анализе языковых явлений И. А. Бодуэн де Куртенэ на первый план выступает не психологический социализм, а социальная, коллективная психология, «коллективная индивидуальность», в отличие от индивидуального психологизма представителей младограмматического направления (стр. 284). Эти и подобные факты, приведенные в очерке, дают основание Ф. М. Березину утверждать, что Ф. Ф. Fortunatov, А. А. Шахматов, И. А. Бодуэн де Куртенэ, Н. В. Крушевский и другие русские ученые в своих общелингвистических взглядах имели ма-

ло общего с теоретическими положениями младограмматизма и, говоря словами Л. В. Шербы, «тяготились концепцией младограмматиков и стремились сбросить с себя ярмо Г. Пауля». Русские ученые сами в «своих трудах ставили и решали такие вопросы науки о языке, которые оказали весьма существенное влияние на весь последующий ход развития русского, европейского и мирового языкознания» (стр. 267). Достаточно указать хотя бы на то, что многие идеи Ф. Ф. Fortunatova еще при его жизни были приняты русскими и зарубежными учеными, идеи А. А. Шахматова лежат в основе многих современных трудов по синтаксису (особенно по синтаксису славянских языков), наука до сих пор пользуется открытиями Н. В. Крушевского (см., например, правило Крушевского — Куриловича), вся практика современной науки о фонеме является разработкой, уточнением и конкретизацией идей И. А. Бодуэна де Куртенэ и Л. В. Шербы.

Книга завершается «Заключением» (стр. 476—500), где еще раз подчеркивается историческая преемственность лингвистических учений. Ф. М. Березин убедительно аргументирует вывод о том, что деятельность русских языковедов в XIX — начале XX в. следует рассматривать как качественно новый этап в развитии науки о языке, оказавший влияние на формирование ряда направлений современного языкознания.

Издание рецензируемой книги — значительное событие в лингвистической жизни нашей страны. Обильно насыщенная хрестоматийным материалом, эта книга одновременно представляет собой серьезный историографический труд — все персоналии, сгруппированные в четыре больших очерка, являются миниатюрными оригинальными исследованиями, в которых достаточно полно и на большом фактическом материале дается интерпретация взглядов отдельных лингвистов, раскрывается взаимосвязь их научных и философских воззрений.

Положительно оценивая книгу в целом, нам хотелось бы обратить внимание на некоторые недостатки, устранение которых (особенно при подготовке книги к переизданию) способствовало бы ее улучшению. Автору очерка следовало бы более осторожно или во всяком случае с соответствующими оговорками использовать современные лингвистические термины (например, термины «язык» и «речь», «знаковость» и «системность» языка, «разговорная речь»), говоря о трудах языковедов XVII—XIX вв. Иногда употребление современных терминов в этой историографической работе приводит к невольной модернизации взглядов ученых, хотя очевидно, что в ряде случаев за этими терминами у лингвистов прошлого скрывалась совершенно не та проблематика, которая вкладывается

в них нынешними теориями. Это может вызвать у читателя неправомерные аналогии с творчеством современных ученых.

Было бы целесообразно расширить представление о концепции А. А. Потебни, включив в книгу лингвофилософские высказывания ученого, содержащиеся в его «Лекциях по теории словесности» и «Записках по теории словесности», тем более, что эти книги сейчас являются библиографической редкостью. Извлечения из работ таких авторов, как М. А. Тудлов, Н. П. Некрасов, можно бы дать более кратко (особенно на стр. 185, 198). Следовало бы указать, что И. И. Срезневский не только был командирован в Берлин для изучения санскрита, но и совершил путешествие в Чехию, Моравию, Словению, Хорватию, Сербию, Словакию и другие славянские земли с целью изучения славянских языков и подготовки к профессорской деятельности. Идентичная информация о Н. Г. Чернышевском содержится на стр. 104 и 114, о Ф. Ф. Fortunatove — на стр. 267 и 268. Примечание о работе Н. И. Греча со стр. 70 необходимо перенести на стр. 69, а примечание о работе В. Г. Белинского — со стр. 75 на стр. 74. На стр. 98 имеется опечатка в написании фамилии В. И. Щердя (напечатано — В. И. Щерця). Издание, предпринятое И. В. Ягичем, названо «Энциклопедией славянского языкознания», а не «филологии» (стр. 114).

Говоря о влиянии трудов русских ученых на развитие лингвистической мысли за рубежом, можно было бы привести больше конкретных примеров. Известно, например, что распространенное в конце XVIII — начале XIX в. среди сербских ученых мнение о возможном сосуществовании различных языков и стилей в зависимости от жанров произведений и социальной принадлежности этих произведений являлось своеобразным преломлением на сербской почве теории трех стилей М. В. Ломоносова⁵. Читателю интересно было бы узнать, что среди известных зарубежных языковедов были ученики не только у Ф. Ф. Fortunatova, но и у А. А. Шахматова (А. И. Белич, Р. Нахтигал, С. Ившич и др.), у А. И. Бодуэна де Куртенэ (К. Нич, Г. Улашин, Я. Розвадовский и др.) и других русских ученых.

Учебное пособие, конечно, только бы выиграло, если бы каждый очерк завершался списком литературы, рекомендуемой для прочтения, и если бы в конце книги был именной указатель.

В заключение следует отметить хорошее полиграфическое оформление книги.

П. А. Дмитриев

⁵ См. об этом: Н. И. Толстой, Архаизм и новаторство у језичкој реформи Вука Караџића, «Анали филолошког факултета [Београдског универзитета]», V, 1965, стр. 228.